

He
Видавать.

Шкафъ

Полка

№

В. П. ПЕТРОВИЧ

не выданы

82

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
Библ. Русской Драмы

Отд. I

Шк. 39

Мес. 2

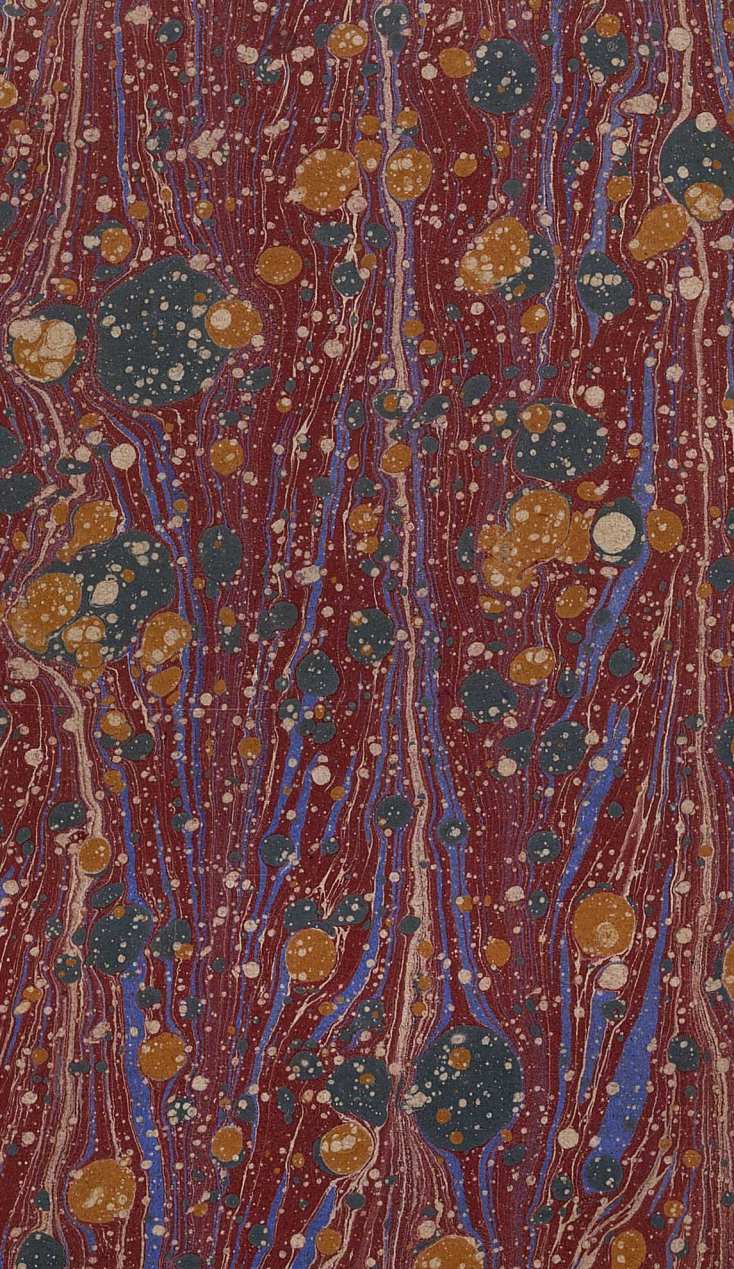
Пол. 38

Инв. №

72826

34175

09

653

1000

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ

ТРАГЕДІЯ

въ

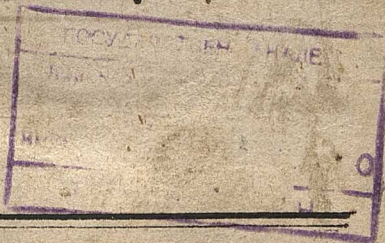
с ш и х а х ъ ,

въ

п я т и д ѣ й с т в і я х ъ .

С о ч и н е н а .

я к . к н я ж н и н ы м ъ .

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

при Императорской Академіи Наукъ,

1793 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

РУРИКЪ, Князь Новгородскій.

ВАДИМЪ, посадникъ и полководецъ.

РАМИДА, дочь его.

ПРЕНЕСТЬ }
ВИГОРЬ. } Посадники.

ИЗВЕДЪ, наперсникъ Руриковъ.

СЕЛЕНА, наперсница Рамидина.

ВОИНЫ.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе въ Новгородѣ на площади

Т Р А Г Е Д І Я

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Я В Л Е Н І Е 1. [ночь].

ПРЕНЕСТЬ и ВИГОРЬ.

ВИГОРЬ.

Уже Вадимъ, свершивъ со славою войну,
Приходитъ наконецъ въ отеческу страну;
Н свой возвращъ почто онъ всѣхъ гражданъ
скрываетъ
И только лишь двухъ зрѣть насъ удостоаетъ?
Почто назначилъ онъ свиданья съ нами часъ,
Доколь не освѣтитъ лучъ солнца нашихъ глазъ,
На самой площади намъ прежде шоль священной,
Новгородской гдѣ народъ свободой возвышенной,
Подвласненъ только бывъ законамъ и Богамъ
Уставы подавалъ полнощнымъ всѣмъ странамъ.

ПРЕНЕСТЬ.

Самодержавна власть все нынѣ пожираетъ
И Рурикъ многихъ здѣсь вѣковъ плоды собираетъ:
Вотъ, мыслю, скрышности Вадимовой вина.
Прошивна для него отеческа страна,
Гдѣ, уклоняся предъ смершнымъ на престолъ,
Увидитъ онъ себя въ одной съ рабами долъ.

Се онѢ ; и вѢ слѣдѢ за нимѢ тѣхѢ ратниковѢ
 толпы,
 КоторыхѢ славы вѢ путь вели его стопы.

Я В Л Е Н І Е 2.

ВАДИМЪ [*за нимѢ нѣсколько
 военатальниковѢ бывшихѢ
 съ нимѢ на войнѢ*].

ПРЕНЕСТЬ и ВИГОРЬ.

ВАДИМЪ.

Я васѢ ли зрю ВигорѢ, ПренесѢ велико-
 душны?

ПРЕНЕСТЬ.

Мы повелѣнїямѢ твоимѢ всегда послушны,
 Для насѢ священный твой исполнили приказѢ.

ВАДИМЪ.

Друзья? вѢ опечестивѢль моемѢ, я вижу васѢ?—
 Уже заря верьхи тѣхѢ башенѢ освѣщаетѢ,
 Которыя НовградѢ до облакѢ возвышаетѢ.
 Се зримѢ ПеруновѢ храмѢ, гдѢ громѢ его молчитѢ—
 ВѢ недѣйствїи ПерунѢ, злодѣйства видя спишѢ!
 И се тѢ славные, священные чертоги,
 Вельможи наши гдѢ великїй, будшо боги,
 Но ровны завсегда и меньшимѢ изѢ гражданѢ,
 Ограды твердыя свободы здѣшнихѢ странѢ,
 Народа именемѢ, кошорый почитали,
 ТрепещущимѢ царямѢ законы подавали.

О Новградѣ! что ты былъ и что ты сталъ
теперь?

[Обращаясь ко всѣмъ].

Героевъ сонмъ! его величье ты измѣрь;
А я ошъ горести его въ оковахъ видя,
Безсиленъ то свершишь, я жизни ненавида —
Вы содрагаетесь? И какъ не препешать,
Когда изъ рабства безднѣ осмѣлимся взирашь
На прежню высоту ошечесва любезна.
Вся сила Сѣвера, предъ онымъ бесполезна;
Его могущество, не знающе враговъ,
Равняла въ ужасъ съ могуществомъ боговъ.
А днесь, сей пышной градъ, сей Сѣвера влады-
ка —

Могли ли ожидать позора мы толика! —
Сей гордый Исполинъ, владыки самъ у ногъ
Поверженъ, то забылъ что прежде онъ возмогъ.
Забылъ? — Но какъ забыть? Что взоръ ни
поражаетъ,

Всю славу падшую его изображаетъ.
Воззримъ ли на поля; еще звучитъ тамъ громъ,
Которымъ Гомеѣ сраженъ, дерзнувъ намъ быть
врагомъ;

Иль очи обратимъ на внутренности града,
Рѣками гдѣ текла съ свободою ошрада,
Повсюду тѣ спези, гдѣ гордые дари,
Покорство намъ несли, по шщешной съ нами при.
Вотъ мѣсто самое, шѣхъ почестей свидѣтель,
Когда здѣсь нашъ народъ, владыкамъ благодарь,

Гонимаго царя Варягъ, приавъ подъ кровъ,
 Заславилъ въ шрепетъ молчашь его враговъ.
 Граждане! вспомните по славой полно время;
 Но вспомните дабы низвергнуть гнусно бремя!
 О стыдъ! сей Царь тогда покоренъ, удрученъ,
 Съ моленіемъ предсавъ, въ срединъ нашихъ
 стѣнъ

Свое чело на прахъ предъ нами уклоняетъ;
 А днесъ — о грозной рокъ! онъ нами обладаетъ —
 Сей Рурикъ! — не могу я болъ продолжашъ;
 Но ваше чувство вамъ по можетъ докончашъ,
 Чего въ отчаяннѣ свершить мой гласъ не мо
 жетъ.

ВИГОРЪ.

И наше сердце грусть швоей подобна гложетъ,
 Отечество мы зря низверженно въ напашъ,
 Въ отчаяннѣ его оплакиваемъ часть.

ВАДИМЪ.

Оплакиваете? — О страшныя премѣны!
 Оплакиваете? — Но кто же вы? — Иль жены?
 Иль Рурикъ сполько могъ вашъ духъ преобра
 зить,
 Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ разишъ?

ПРЕНЕСТЪ.

Мы алчемъ въ слѣдъ шебъ на вѣкъ себя просла
 вить;

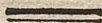
Разрушимъ гордый проиъ, отечество возсавимъ;
 Но хошь усердіе въ сердцахъ у насъ горитъ,
 Однако способовъ еще къ тому не зримъ.

Пренебрегая дни и гнусны и суровы,
 Коль должно умереть, мы умереть готовы;
 Но что бы наша смерть нещетная, ошѣ зла
 Спасши отечество любезное могла;
 И что бы узы рвать спремяся мы въ неволѣ
 Не ошягчили бы сихѣ узѣ еще и болѣ.
 Познаешь самѣ Вадимѣ, сколь трудно рушить
 шронѣ,
 Который Рурикѣ здѣсь, воздвигнулѣ безѣ препонѣ.
 Прошеньемѣ призванный ошѣ цѣлаго народа.
 Увѣдаешь, какѣ имѣ ошѣяшая свобода
 Прелестной властїю его замѣнена.
 Узнаешь какѣ его держава почтена;
 И истинныхѣ сыновѣ отечества сколь мало,
 Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
 Стыдилисябѣ шого что въ свѣшѣ смершный естѣ,
 Въ рукахѣ котораго ихѣ вольность, жизнь и честь.
 Коварствомѣ Рурика граждански слабы силы;
 А воинствомѣ Варягѣ наполненѣ градѣ унылый.
 Намѣ должно помощи безсмертныхѣ ожидать;
 И боги случай намѣ удобный могутѣ дать.

ВАДИМЪ.

Такѣ должно на боговѣ намѣ только полагаться

И въ спадѣ человекѣ безѣ славы пресмыкаться?
 Но боги дали намѣ свободу возвратишь,
 И сердце чшобѣ дерзать и руку чшобѣ разити!
 Ихѣ помощь въ насѣ самихѣ. Какой еще хштите?
 Ступайшѣ, ползайшѣ, ихѣ грома шшестно ждишѣ;

А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
 Подвигнусь умереть владыки не терпя.
 О рокъ! опечества при лѣша отлученный,
 За славою его побѣдой увлеченный,
 Оставляя вольность я, блаженство въ сихъ спѣнахъ,
 На насъ воздвигшихся свергаю гордость въ прахъ;
 Я подвиговъ моихъ плоды несу народу;
 Чтожъ вижу здѣсь? Вельможъ ушраившихъ
 свободу,
 Во подлой робости согбенныхъ предъ Царемъ
 И лобызающихъ подъ скиптромъ свой яремъ.
 Скажите, какъ вы зря опечества паденье,
 Могли минушу жизнь продлить на посрамленье?
 И если не могли свободы сохранить,
 Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ
 жить?

ВИГОРЬ.

Какъ прежде, мы горимъ къ опечеству лю-
 бовью —

ВАДИМЪ.

Не словомъ доказашъ то должнобъ вашей
 кровью!

Священно слово шоль изъ вашихъ бросьте словъ.
 Или опечество бышь можешъ у рабовъ?

ВИГОРЬ.

Имѣя праведно духъ грустью, огорченный,
 Напрасно прошивъ насъ ты гнѣвомъ омраченный
 Тягчишь невиннѣйшихъ шоль люшою виной.
 Едва предъ войскомъ ты разсѣлся съ сей страной,

Вельможи многіе къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мясежъ ввели во
градъ.

Жилище тишины преобразилось въ адъ.
Свяшая истинна опселя удалилась.
Свобода вспрепешавъ къ паденью наклонилась.
Междуусобіе, со дерзостнымъ челомъ,
На шрупахъ согражданъ воздвигло смерти домъ.
Спрямяся весь народъ, бысть пищею алчныхъ
врановъ,

Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящійся кипѣлъ.
Плачевный Новградъ! ты спасенія не зрѣлъ.
Почтенный Господомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишася всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами
И плача не о нихъ, о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ опрадъ намъ безсмертными былъ
данъ.

Онъ Рурика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время лѣшами и бѣдствомъ изнуренъ,
Дни кончилъ Господомыслъ, опрадой озаренъ
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но отходя къ богамъ, чтя Рурика геройство,
Народу завѣщалъ, да сохранитъ онъ власть
Скончавшую его спенанья и напасъ.
Народъ нашъ пронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасишеля владыкой.

ВАДИМЪ.

Владыкой! Рурика! кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь намъ, что дѣлалъ онъ для насъ?

Онъ долгъ платилъ.—Но коль его благодарныя
Казались вамъ бышь достойны воздаянья,
Иль должно было вамъ свободою платишь
И рабство ваше въ даръ заслуги положить?
О души низкія! падушья подъ рокомъ
И увлекаемы случайности потокомъ,
Ахъ! еслибъ вы себя умѣли почитатьъ,
Блаженъ бы Рурикъ былъ когдабъ возмогъ онъ
спастъ,

Въ порфирѣ облеченъ, гражданамъ нашимъ равенъ:
Великимъ шиломъ симъ между царей вѣкъ сла-
венъ,
Сей честью былъ бы онъ съ избыткомъ награж-
денъ.

Гласише, Господыслъ геройствомъ убѣжденъ,
Вамъ узы завѣщалъ чтобъ кончить ваше бѣд-
ство.

Иль вольность согражданъ была его наслѣдство?
Иль могъ онъ васъ равно какъ шѣхъ животныхъ
дать,

Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?
Закрытый, въ гордости, опечесства любовью,
И кровь соединя свою со царской кровью,
Подъ видомъ прекратишь всеобщую напастъ,
Онъ сыну, дочери своей здѣсь оидалъ власъ;

А я шому дамъ дочь мою единокровну,
 Имѣя душу кто не рабску, благородну,
 Спрямлясь опечесства къ спасенью мнѣ во слѣдѣ
 И жизни не щадя всѣхъ смертныхъ превзойдетъ.
 Рамида та цѣна, котору предлагаю.
 Тирановъ врагъ мой сынъ. — Къ ней спрасъ я
 вашу знаю.

Вы знаете, ся прельщенны красотою,
 Алкали чесши бытъ цари въ родствѣ со мной;
 Но я пренебрегалъ приять тирана въ сына
 И гражданинъ, хотѣлъ Новградска гражданина.
 Явите, имени сего достойныль вы.
 Иль идола рабовъ воздвигнувъ на главы,
 Меня и честь и все ему предайте въ жерпву.
 Увидыте и мою вы дочь сраженну, мертву.

ВИГОРЬ.

Чшобы достойнымъ бытъ дражайшей полъ
 руки,
 Готовъ одинъ презрѣтъ несмѣшны полки,
 Которыми прешолъ свой Рурикъ ушверждаетъ.

ПРЕНЕСТЬ.

Колико щастія сего мой духъ алкаетъ
 И сколько я мое опечество люблю,
 Съ оружіемъ въ рукахъ я то тебѣ явлю.

ВИГОРЬ.

Княнусь Перуновымъ я имянемъ священнымъ,
 Клянуся сердцемъ я Рамидою прельщеннымъ
 На все дерзать.

ПРЕНЕСТЬ.

Прими ты кляпву и мою.
ВАДИМЪ.

О жарѣ героевѣ! васѣ я нынѣ познаю.
Надежда вы гражданѣ! отечества опрада!
[Кѣ военасалъника.мѣ съ нимѣ пришедши.мѣ]
Поборники мои! оставимѣ стѣны града
И пользуясь еще оставкомѣ слабой шмы,
Вѣ тѣ дебри мрачныя отсель отѣидемѣ мы,
Гдѣ рашники мои, побѣдою вѣнчанны,
Питая ярости стремленья несказанны,
Котору вѣ нихѣ возжегѣ отечества уронѣ,
Рѣшились умереть, или низвергнуть тронѣ.
Вигорѣ, кѣ героямѣ симѣ послѣдуетѣ за нами;
Пренесѣ останетѣ здѣсь правити сердцами.
Ступайте.

[Воснасалъники и Вигорѣ уходятѣ].

Я В Л Е Н І Е 3.

ВАДИМЪ и ПРЕНЕСТЬ.

ВАДИМЪ.

Я тебѣ вѣвѣрю нашу частѣ:

Подѣись воспламенить кѣ отечеству ту спрасѣ,
Которая гражданѣ героями шворила,
Которую вѣ сердцахѣ держава затворила.
Что можешь чувствоватѣ, дай чувствоватѣ по
имѣ.

Сравний себя Пренесѣ съ почтеніемѣ моимѣ.

Хоть въ равной пушѣ Вигорѣ съ тобою и стреми-
мися,

Но твой успѣхъ моимъ желаньемъ становишься.
Блаженъ, когда себя обязанъ награждать,
Къ Рамидѣ возмогу твой пламень увѣнчать.

ПРЕНЕСТЬ.

И дочерью твоей прекрасною прелщенный,
И лестнымъ мнѣ твоимъ почтеньемъ восхищен-
ный

Стыжуся я, неся мою на жертву кровь,
Что жаръ къ опечеснѣнью дѣлишь моя любовь.
И можетъ быть твое почтенье уменьшаетъ
Награда, чѣмъ Вадимъ мнѣ сердце утѣшаетъ.
Вѣрь мнѣ, хотя всего превыше чшу сей даръ,
Но должнѣе моей любви не вреденъ жаръ,
Въ кошоромъ все мое я щастье обрѣшаю.
И если къ горести Рамидою я таю,
Хотя несклонна мнѣ пребудетъ навсегда,
Нещастенъ быть могу, безчестенъ никогда,
Увидишь ты меня надежды всей лишена,
За общество въ твой слѣдъ Геройскій устрем-
ленна,

Какъ и съ надеждою равно несуща грудь,
Пренебрегая жизнь, въ кровавый славы пушъ.

ВАДИМЪ.

Сего надѣюсь я, Пренесла сердце зная;
Но дочь Вадимову такъ мало почитая,
Почто ты думаешь ее несклонну зрѣть
И общества въ тебѣ спасителя презрѣть?

ВѢ ней кровь моя; она не будетъ малодушна;
 И только должности своей всегда послушна
 ТѢ сердца слабости умѣешь обуздашь,
 Которы нѣга вѢ насѢ удобна возрождашь.
 Воспитанныя мной, ты будешь вѢ томѢ свидѣ-
 тель,

Ей власть моя законѢ а щастье добродѣтель.
 Прости, ужѢ солнца лучѢ, разпростирая свѣтъ,
 ВѢ дремучіе лѣса меня отсель зовешѢ.
 Увы! когда уже здѣсь все поработенно,
 Здѣсь нѣтъ отечества, оно всѢ тамѢ вмѣщенно,
 Герои наши гдѢ вносяся надѢ судьбой,
 Гошвы умереть, иль скиптрѢ попрасть ногой.

ПРЕНЕСТЬ.

Но дочь незнающе Вадима возвращенья,
 Почто, узрѣшь себя, лишаешь утѣшенья?
 ВАДИМЪ.

Прибытіе мое брегись открыть и ей:
 Хотя горько для души родительской моей
 Что часѢ свиданія я съ нею отдаляю;
 Но я отечество себѢ предпочитаю.
 Спѣшу устроить все, чтобы вѢ грядущу ночь,
 Свободу здѣсь узрѣвъ, мою увидѣшь дочь.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РАМИДА и СЕЛЕНА.

СЕЛЕНА.

Се приближается шотъ часъ шобой желан-
ный,

Въ кошорый швой ошечъ, побѣдоу вѣнчаннй,
Вадимъ, прибытіемъ обрадовавъ сей градъ,
Рамидъ принесетъ съ собою шму ошрадъ.

Узришь возлюбленна родишеля, героя
Который общества спокойствіе устроя,
Ко прекращенію любезной дщери мукъ
Приходитъ, изъ своихъ побѣдоносныхъ рукъ
Отдашь ее въ вѣнцъ пылающему ею.

Увѣрена швоей чувствительной душою,
Твое величіе не чту себѣ въ уронъ.

Супруга Рурика, возшедшая на шронъ,
Надѣюсь, для меня Рамидою пребудетъ
И дружества во вѣкъ Селены не забудетъ.

РАМИДА.

Ты знаешь чувствія Рамидиной души.
Селена, ты меня сей дружбы не лиши,
Кшорая мое блаженство возвышаетъ;
Она равно мой духъ плѣненный утѣшаетъ,
Какъ та безсмертная неодолима страсть,
Безъ коей всякое мнѣ щастіе напастъ.
Вѣрь мнѣ, сей блескъ вѣнца, престола возвышеніе,
Для чувствъ Рамидиныхъ презрѣнно утѣшеніе.

ВѢ корысти, вѢ гордости я сердца не гублю.
Не князя вѢ РурикѢ, я Рурика люблю.

СЕЛЕНА.

Душею обладать героя ты достойна;
Но вѢ ожиданіи твоихъ оправдѢ спокойна,
Готовясь къ щастью быть сопряженной бракомъ
съ нимъ,
Не огорчаешь ли предчувствіемъ какимъ
Души нѣжнѣйшею любовью упоенной?
Не вопіешь ли гласъ свободы сокрушенной?
Не воображается великій твой отецъ
Во гнѣвѢ, вѢ горести, зря Царскій здѣсь вѣнецъ?

РАМИДА.

Почтожъ смущать мое блаженство сей на-
пастью?
И что свобода вся предѢ Руриковой власью?
Вѣрь мнѢ, родитель самъ, Героя зря сего,
Свободу, гордость, все забудетъ для него.
Возможноль Рурика кому возненавидѢшь?
Чтобъ обожать его лишъ надобно увидѢшь.
Своею вольностью лишенный всѣхъ оправдѢ,
Не то ли чувствовалъ, что я и весь сей градъ,
Какъ Рурикъ къ намъ привелъ торжественное
войско.
Вообрази себѢ сіе чело Геройско,
Престолъ божественныхъ его души добротъ,
Надежду будущихъ властителя щедротъ;

ТѢ очи молніей и кропостію полны,
 Когда смиривъ онѢ здѣсь смятенья страшны волны,
 НародѢ признашелейный привлекѢ кѢ своимѢ но-
 гамѢ.

Коль можешѢ человекѢ подобенѢ быти богамѢ,
 Конечно РурикѢ имѢ единый шолько равенѢ.
 Воспомни ты, какѢ онѢ побѣдоносенѢ, славенѢ,
 ДоволенѢ шолько шѢмѢ что намѢ благошворилѢ,
 ВѢ своей душѢ за шо награду находилѢ;
 И мужествомѢ прервавѢ плачевны наши споны
 Отрекся здѣшнія завидной всѢмѢ короны.
 Тогда народѢ спрашась своихѢ возвраща бѣдѢ,
 Слезами орошалѢ сего Героя слѣдѢ.

ВѢ какія горести весь городѢ погружался;
 Казалось, намѢ часѢ послѣдній приближался.
 Всему опечесшву мой духѢ сопренешалѢ
 И съ РурикомѢ весь мирѢ РамидинѢ погибалѢ.
 Ты видѣла шо все. Селена ты безстрашна.
 Скажи? когдабѢ тебѢ вселенная подвлашна,
 СѢ подобострастіемѢ у ногѢ швоихѢ была,
 Иль властибѢ ты своей ему не ошдала?
 И мира кѢ радости прошивѢ себя правдива,
 ПодѢ властью Рурика ты какѢ былабѢ щасшлива.

СЕЛЕНА.

Сомнѣнія вѢ шомѢ нѣшѢ, достоинѢ власти онѢ;
 Но еслибѢ швой отецѢ, которому здѣсь шронѢ
 ГражданскихѢ всякихѢ бѣдѢ несноснѣе казался
 Прошиву Рурика кѢ нещасстью ополчался;

Когдабы не сиотря на плачущую дочь —
РАМИДА.

Отъ мысли сей мой духъ шрепешетъ и теперь;
Увы; коль мнѣ судьба толико будетъ злобна,
Хоть скорби не снесу мученья неподобна,
Колико Рурика я смертно ни люблю,
Умру; но должности моей не прешуплю;
И повинуюся родительской я власти,
У ногъ его мои окончу всѣ напасти.

Но нѣтъ, почто почто мнѣ сердце разрывать
И грудь спенящую слезами обливать?
Чего не можешь бышь, почто мнѣ шѣмъ терзаться
И гореснѣйшимъ шоль мечшаньемъ устрашаться?
Мы лютошь отъ себя сихъ мыслей удалимъ.
Не можешь къ Рурику питати злосъ Вадимъ,
Не можешь — и герой героя обожаетъ.
Твое сомнѣнїе обоихъ унижаетъ.

Во славѣ равные, что можешь ихъ смущить?
Что можешь къ зависти родителя склонить?

То свойство гнусное лишь подлыхъ душъ и
черныхъ,
Чтобъ зря достоинства на высотахъ безмѣрныхъ,
И бывъ безсильными до оныхъ возлестъ,
Во мрачности своей ихъ блеска не терпѣть.
А истинный герой упишанъ свѣтомъ славы,
Доволенъ самъ собой превыше сей отравы.
Но пусть Вадима бы встревожилъ здѣсь вѣнецъ.
Иль мною Рурику не будетъ онъ отецъ?
Отвергнемъ тщешный страхъ и лютыя шоль мысли.
Селена ты мои ошрады всѣ изчисли!

Но какъ возможно ихъ себѣ вообразить!
 Скажи, щасливѣе меня кто можетъ быть?
 Се Рурикъ шествуетъ; и зракъ его любезный
 Являетъ, сколь швой сомнѣнья безполезны.

Я В Л Е Н І Е 2.

РУРИКЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА.

[Провожатые Руриковы].

РУРИКЪ.

На быстрыхъ крыліяхъ ужъ тѣ часы парятъ,
 Которы щастіе мое несутъ въ сей градъ;
 Въ которы, швой ошедъ толь алчно жданный мною,
 Во лаврахъ возвращенъ опечесству судьбою,
 За всѣ труды меня Рамидой наградитъ
 И бракомъ все мое блаженство утвердитъ.
 Вельможи и народъ мнѣ дали здѣсь корону,
 И, сердцемъ моему покорствуя закону,
 Превыше вольности мою считаютъ власъ:
 Велика честь сія; но мнѣ былабъ напасть,
 Когда бы ты меня отъ сердца отвергала
 И проиъ украсишь мой собою не желала.
 Однако, пламень мой къ тебѣ каколъ ни лютъ,
 Хоть жизнию не чшу я горькихъ тѣхъ минушъ,
 Въ которы, удаленъ швоей красоты, спрадаю,
 Я щасливымъ себя еще не почитаю,
 Коль равной страстію Рамида не горя,
 Мнѣ щастье подаетъ свою въ немъ должность зря;

И за гражданъ своихъ въ награду ихъ спасенья,
 Хоть малыя себѣ потерпимъ принужденья.
 Чтобъ словомъ чувствіе мое изобразить,
 Тобой тебѣ одной хочу я долженъ быть.
 Хоть прелести швои моей души пишанье;
 Хомя лишась тебя мнѣ будешъ жизнь спрданье;
 Но горьку часть сѣю той части предпочту,
 Чтобъ зря всегда швою въ уныньи красоту,
 Встрѣчая съ ужасомъ моей супруги взоры,
 Всечасно находить смерщельны въ нихъ укоры.

Пришворства чуждому вѣрь сердцу моему:
 Стокрашъ приятнѣй мнѣ перзашься самому;
 Какъ изъ шоски другихъ извлекши люшу ра-
 досшь,

Вкушати свойственну однимъ пиранамъ сладостъ
 Открой мнѣ чувствіе ты сердца швоево:
 Не огорчаю ли хоть мало шѣмъ ево,
 Что жизни щастіе въ шѣбѣ одной включаю;
 Что я въ тебѣ себя съ душою сочешаю?

РАМИДА.

Какъ можешь, Государь! ты то вообразить,
 Что бы рамидинъ духъ умѣлъ себя склонить
 Къ притворству низкому, безъ спраси прину-
 дашься

И узамъ шягосшнымъ къ мученью предавашься?

И чтобъ, скажи шому виною быть могло?

Или увѣнчанно короною чело?

Вѣрь мнѣ, когда бы кшо вселенной на престолѣ

Открывши гордосши моей безмѣрно поле,

Вѣндами безъ числа глазамъ моимъ блискалъ
 И за любовь мою власть мѣра отдавалъ,
 Коль сердцемъ бы ево Рамида не избрала,
 Она бы скиптры съ нимъ и троны презирала;
 А если бы свою онъ призывалъ въ помощь власть,
 Умѣлабъ смертію ошвергнушь я напастъ.
 Гражданку здѣшную, возросшую въ свободѣ,
 Не можешь удивить ни что во всей природѣ.
 Подвасна лишь Богамъ и моему ошцу,
 Всемъ сердцемъ я къ тебѣ спремлюся, не къ
 вѣнду.

Ты внемлешь гласъ души безъ лести, безъ ис-
 куства;

Къ прихворсвамъ никакимъ мои не сродны чувства;
 И еслибъ Рурика любишь я немогла,
 Я съ откровенностью то равноюбъ рекла,
 Какъ и теперъ мой духъ прелщенный то вѣщаетъ:
 Коль Рурикъ щастье все въ моей любви включаешь,
 Когда зависитъ то отъ сердца моего,
 Такъ нѣтъ щастливѣе на свѣтѣ никого.

РУРИКЪ.

О часъ драгой! моей всей жизни драгоцѣннѣй!
 Я вѣчно не вкушалъ отрады совершеннѣй;
 Внимая сладостнымъ изъ устъ твоихъ словамъ,
 Зависна кажется моя судьба Богамъ.
 Увѣренъ, восхищенъ признаньемъ вождѣннымъ,
 Я съ сердцемъ, новою днесъ жизнью укрѣпленнымъ,
 Иду, куда меня правленья долгъ зоветъ;
 Въ немъ Рурикъ бремени ужъ больше не найдетъ;

И сколь ни шягостны несмѣшны попеченья,
 Труды, прискорбія, душевны огорченья.
 Которыхъ потребуешь Монарховъ шяжка власть,
 Мнѣ будетъ щастіемъ и самая напашь;
 Хоть Рурикъ жизнь свою за твой народъ ушра-
 шить,
 За все единый взоръ Рамиды мнѣ заплашитъ.

Я В Л Е Н І Е 3.

*[Сокрытъ во одеждѣ
 простаго воина].*

ВАДИМЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА.

ВАДИМЪ. *[Въ отдаленіи не
 видя Рамиды].*

Ужасная мое пронзила сердце вѣсть.
 О дочь жестокая! какъ то Вадиму снести.
 Рамида къ Рурику любовію пылаешь. —
 Уже послѣдняго меня Тиранъ лишаетъ. —
 Но се она.

РАМИДА.

Тебяль я зрю родишель мой,
 Герой! позволь въ твоихъ обаятіяхъ. —

ВАДИМЪ. *[Отвергая се].*

Постой.

РАМИДА.

Что вижу? — Ты моимъ возшоргамъ отвѣ-
 чаешь
 Презрѣньемъ! — или дочь твою пренебрегаешь?

Украшенъ лаврами ее не познаешъ,
И въ жертву гордости природу отдаешъ
ВАДИМЪ.

Нещастна; еслибъ я тебя возненавидѣлъ,
Я съ равнодушiемъ возторгъ бы твой увидѣлъ
И ласки воспріявъ тебя бы не отвергъ.
Но, о нещастiя неизмѣрима верхъ!
Воззри и по сему познай прискорбну виду:
Гнушаясь, не могу я не любить Рамиду.

РАМИДА.

Ахъ каждая швоя ужаснѣйшая рѣчь,
Вонзаясь въ сердце мнѣ, разитъ какъ острый мечъ.
Чемъ винна я, скажи возлюбленный родитель?
Что духъ терзаетъ твой герой и побѣдитель?
Ошкрой мнѣ плачущей родителя у ногъ,
За что, лиша тебя, мой рокъ мнѣ столько спрогъ?
Чтобъ сердцемъ ты опять къ Рамидѣ обратился,
Что дѣлашь мнѣ, скажи? — Твой болѣ зракъ сму-
тился!

Гласи, повелѣвай — за опческу любовь,
Мнѣ должно ли въ сей часъ пролить мою всю
кровь?

Пролей; она швоя; возми твой даръ обратно!

ВАДИМЪ.

Гласъ должности швоей, какъ слышатъ мнѣ
приятно!

Я чувствъ родительскихъ къ тебѣ не истребя,
Не жизни требую, но чести отъ тебя.

РАМИДА.

Что слышу? — Или дочь швою подозрѣва-
ешь? —

Ты чеспи потребуешь — или меня незнаешь?

ВАДИМЪ.

Не знаю. — Ты сама шеперь вѣ себя вошедѣ,
Оспрады полный мнѣ дашь можешь ли отвѣтѣ:
Что чеспи вѣ правилахъ Вадима непремѣнна,
Ты шаже дочь моя любезна и бездѣнна?
Блистая, какѣ всегда заразой красоты,
Рамиду прежнюю найдешь ли вѣ сердцѣ шы?

РАМИДА.

Меня вопросами какѣ громомѣ изумляешь!
Ты судію вѣ себѣ, а не опца являешь. —
Богами и шобой самимѣ я вѣ томѣ клянусь,
Что шажѣ Рамида я, что вѣкѣ не премѣняюсь;
Что дочь достойная Вадима, но несчастна;
Что чеспи правиламѣ его всегда подвластна;
Что паче я всего родишеля люблю;
Что я незнавѣ вины, ужасну казнѣ шерплю.
Открой преступокѣ мой!

ВАДИМЪ.

Ты спрастію пылаешь

Кѣ носящу здѣсь вѣнедѣ, а шы вины не знаешь. —
Бышь можешѣ, клевета Рамиду шѣмѣ мрачешѣ.
Разруши вѣсть сію, чемѣ городѣ сей звучишѣ. —
Ахѣ, ежели меня неистинна сразила;
Коль чувствія мои Рамида сохранила;

Коль врагъ мой, врагъ тебѣ въ сѣяніи вѣнца,
Держай, любезна дочь! въ объятія ошца. —
Нешасна плачешь ты и грудь твоя поминься.
Мое безславіе мнѣ ясно становисься!

РАМИДА.

Когда порокъ любишь спасителя гражданъ,
Который, отъ боговъ, къ опрадѣ смертнымъ данъ;
Который, прекращая общественныя споны,
Отрекся, здѣсь ему представленной короны;
Который, умоленъ народа шокомъ слезъ,
Небесныя благости съ собой на шронъ вознесъ;
Который, какъ ошца, Вадима ожидаетъ:
Виновною себя Рамида почитаетъ.
Достойна казни я. Вошъ грудь моя, пронзай;
Имъ сердце плѣнное на части разшерзай.
Теряя съ нимъ я все, и небеса и землю,
Ударъ смершельный твой за даръ драгой приемлю.

ВАДИМЪ.

Обрушься на меня небесъ пресвѣтлыхъ швердь!
Ты просишь смерти, ты вкусишь достойна смерти!
Злодѣйскимъ пламенемъ и пагубнымъ пылая,
Ошцеубійца ты, меня во гробъ вселяя;
Измѣнница! твое отечество предавъ,
И вольность согражданъ и святость нашихъ
правъ!

О ты, сообщница коварнаго ширана,
Которымъ съ крошосшью дана намъ смершна рана!
Поди къ нему, поди скажи: швой здѣсь ошецъ;
Что хочетъ онъ сорвать съ главы его вѣнедъ.

Да придетъ онъ свое предъупредить паденье,
 И сердце мнѣ пронзая, скончать мое мученье.
 Поди и мечъ направь злодѣя моего
 На грудь родителя несчастна твоего:
 И смертію отца препонъ освобожденна,
 Взойди на тронъ, моей ты кровью обогрелна! —
 РАМИДА.

Постой, родитель мой! ахъ сжался надо мной!
 Твои укоры, видѣ толико грозный твой,
 Твой гнѣвъ, то болѣе мнѣ смерти страхъ наноситъ,
 Которой у тебя дочь бѣдна тщетно проситъ. —
 Познай, родитель мой, познай въ сей часъ меня:
 Тебя достойна я хоть мучуся сменя —
 Сей нужный огонь любви, мнѣ столь приятный
 прежде,
 Заслугой Рурика обманута въ надеждѣ,
 Сей огонь, которымъ я пишала жизнь мою,
 Смертельно мучима, зря ненависть твою,
 Сей лютый огонь клянусь и въ немъ порокъ мой вижу,
 И сердце слабое терзаясь ненавижу,
 За то, что я стремясь въ немъ пламень поту-
 шить,
 Съ симъ пламенемъ должна и жизни свѣтъ га-
 сить. —

Оставь мнѣ то, оставь, что сердце открывая,
 Кажу ево, себя лишь болѣ прогнѣвая,
 Я искренностію родителю должна,
 И помощь въ горести несносной мнѣ нужна.

Отца я въ нѣдра грусть смертельную проливаю;
 Родителя къ моей оспрадѣ призываю.—
 Ошеческимъ возри ты окомъ на меня,
 И пожалѣй о мнѣ несчастную вина.

Жалѣй — превозмогусь, явлюсь тебя достойна
 И волю соверша твою, умру спокойна.

Повелѣвай; меня послушну будешь зрѣшь.

ВАДИМЪ.

Достойна ты меня, а хочешь умереть.

Кто? ты! Вадима дочь! и дочь свободна града!

Превозмогись, живи и будь моя оспрада.

Клянись покорствовать во всемъ твоей судьбѣ.

РАМИДА.

Клянусь! — Чемъ быть могу подобна я тебѣ?

ВАДИМЪ.

Изъ сердца изстребя жаръ гнусныя осправы,
 Со мною шествуя ко храму вѣчной славы,
 Къ ширану въ ненависть любовь преобратишь.

РАМИДА.

Клянусь — хоть не могу сего я совершить —

Клянусь — коль должно мнѣ — всечасно умирая,

Не зрѣшь его во вѣкъ, иль видѣшь ошвергая.

ВАДИМЪ.

Клянись — чшобъ могъ я дочь мою во всемъ
 познашь,

И міру безъ стыда Рамиду показать —

Клянись — что одолѣвъ душъ рабскихъ страстную
 муку,

Изъ нашихъ согражданъ тому отдашь ты руку,

За вольность общества, кто паче всѣхъ герой,
Покажешь что владѣшь достоинъ онъ побой.
Клянись наградой быть тирана за паденье.

РАМИДА.

Чего ты потребуешь! увы! сѣ мученье
Превыше силъ моихъ! иль мало жертвы шой —

ВАМИДЪ.

Поди отъ глазъ моихъ, исчезни предо мной!
Быть дочерью моей я способъ предлагаю;
А ты — нѣтъ ты не дочь и я тебя не знаю.
Храня любовь отца я только что крушусь.

РАМИДА.

Постой, родишель мой! я все свершить клянусь!

Коль мало лющихъ мукъ, которыя предпринимаю,
Ты вымысли еще —

ВАДИМЪ.

Я дочь мою обѣмлю!

Не плачь, умѣрь тоску, что грудь твою тѣснишь.
Что можешь насъ терзать, коль слава предстоишь.

[Увидя Пренеста].

Пренестъ! опечесства къ спасенью есть ли виды?
Ужель достоинъ ты руки моей Рамиды?

Я В Л Е Н І Е 4.
 ВАДИМЪ, РАМИДА, ПРЕНЕСТЪ.
 ПРЕНЕСТЪ.

Всѣ чувства устремляя тебѣ подобнымъ бытъ
 И обществу служа, Рамиду заслужишь,
 Лишь только ты меня, спѣша за градъ, оставилъ
 Тотъ часъ мои стопы къ вельможамъ я направилъ,
 Которыхъ гордый духъ противъ вѣнца ропсалъ
 И гнѣва молнію въ молчаніи пишалъ.
 Собравъ ихъ, лимъ рекъ: „се часъ тотъ наступаеъ,
 „Въ который небо намъ судьбу гражданъ вручаеъ;
 „Въ который, городъ нашъ, сей прежде царь царей,
 „Сіе питалище великихъ шоль мужей,
 „Съ свободой своего сіянія лишенный,
 „Подъ игомъ скипетра позорно удрученный,
 „Возможеъ вознестись на высоту опять,
 „Чтобъ съверу всему законы подаваеъ.
 „Уже извнѣ на тронъ направлены удары:
 „Ужъ съ воинствомъ Вадимъ принесъ пиранству
 кары.
 „Коль такъ же, какъ ему пропивенъ вамъ вѣнецъ;
 „Паденья своего не избѣжитъ гордецъ,
 „Который, намъ дая вкушати сошны коварства,
 „Насъ клонитъ къ горести самодержавна царства.
 „Великодушенъ, днесъ, онъ крошокъ, справедливъ,
 „Но укрѣпя свой тронъ, безъ страха горделивъ,
 „Коль чшитъ законы днесъ, во всемъ равняясь
 съ нами,
 „Законы послѣ всѣхъ и насъ попретъ ногами.

И кровью подданныхъ на тронахъ упоаетъ.
Гнѣвъъ болѣ пламеня моихъ чертами словъ,
„Представте, я сказалъ, вы смертныхъ сихъ Боговъ
„Въ надменности свою закономъ чпущихъ волю,
„По гнуснымъ прихотямъ влекущихъ нашу долю
„И первенство дая рабамъ своихъ страстей,
„Предъ ними шотъ великъ кшо паче всѣхъ злодѣй.

„Дождемся ли и мы такой ужасной части,
 „Когда властитель нашъ въ своей спокоенъ власти
 „Личину хитрости со горда снявъ лица
 „Явилъ чудовище подъ блесками вѣнца?
 „Всечасно окруженъ свирѣпостью и страхомъ,
 „Подножья своего щипать насъ будетъ прахомъ;
 „И присвоая плодъ трудовъ несмѣшныхъ лѣтъ,
 „Отниметъ все у насъ и даже солнца свѣтъ
 „Чтобъ подлостью наградить своихъ лстецовъ пре-
 гнусныхъ.

„Ужъ есть событіе такихъ предвѣстій грусныхъ;
 „Его Варягами наполненъ весь нашъ градъ;
 „Ужъ съ нами станова своихъ рабовъ онъ въ рядъ.
 „Остатки вольности и нашихъ правъ отъем-
 летъ;

„А вашъ великій духъ на краѣ бездны дремлетъ
 „Проснишесь. — Вдругъ ихъ вопль остановилъ
 мой гласъ:

Идемъ пронзиши грудь тирану сей же часъ;
 Ихъ рвеніе описать я сколькобъ ни старался
 Какъ мракъ предъ пламенемъ глаголъ бы мой
 казался.

И какъ изобразить движеніе сихъ мужей,
 Сихъ ненавистниковъ и рабства и царей;
 Ихъ слезы на очахъ отъ гнѣва и позора;
 Летящи молніи отъ яростнаго взора;
 Багряность мрачныхъ лицъ, сей образъ гроз-
 ныхъ тучъ,
 Изъ коихъ вольности блисталъ надежный лучъ

И неминуемо пираново паденье.

Въ послѣдокъ, премѣня свой гнѣвъ во изступленье,
Забывъ опасности и всѣ изпоргнувъ мечъ.

Стремятся шомъ же часъ злодѣя дни пресѣчь.

„Друзья, сказалъ я имъ, безвременно геройство,

„Отъемя плодъ, не есть сердецъ великихъ
свойство.

„Что въ шомъ, коль вашу днесъ погибель вы
презрѣвъ,

„Повергните себя въ разверстый смерти зѣвъ?

„Не крови вашае отечество желаетъ;

„Оно отъ вашихъ рукъ спасенья ожидаетъ.

„Великимъ шоль дѣламъ намъ должно дать со-
зрѣть.

„Въ грядущу ночь у стѣнъ Вадима будемъ зрѣть.

„Въ грядущу ночь врага отворимъ мы Герою,

„А съ нимъ ведущему свободу нашу строю.,

По семъ, какъ вихрями смущенна бездна водъ,

Стремленью ярости почувствовавъ оплотъ,

Спѣсненная кипитъ, реветъ и шещно рвется;

Таковъ Героевъ сонмъ во гнѣвъ остаеся

И проситъ солнце, путь свой ясный сокращитъ,

Чтобъ мракъ привелъ шомъ часъ, въ который
имъ разитъ.

[при сихъ словахъ выходитъ Вигоръ].

ВАДИМЪ.

Сего я ожидалъ Героевъ нашихъ зная

И добродѣтели Пренесста почитая.

[указывая на докъ].

Се воздаяніе, вѣнецъ трудовъ швоихъ.

ПРЕНЕСТЬ.

Судьба моя теперь въ ея устахъ драгихъ;
Не смѣю щасливымъ дополъ я назваться.

РАМИДА.

Мой долгъ родителю во всемъ повиноваться.

[Уходитъ].

Я В Л Е Н І Е 5.

ВАДИМЪ, ПРЕНЕСТЬ, ВИГОРЬ.

ВИГОРЬ *[Въ сторону].*

Что слышу? Вѣрить ли мнѣ чувствіямъ моимъ?—

[къ Вадиму].

Смѣшенно воинство опсупствіемъ швоимъ. —

ВАДИМЪ.

Иду. *[къ Пренесту]* свершай все такъ какъ на-
часто тобою.

Я В Л Е Н І Е 6.

ВИГОРЬ *[Одинъ].*

И такъ я былъ. О рокъ коварства ихъ игрою
Спасенью общества назначенна цѣна,
Пренесту, а не мнѣ Рамида отдана;
Что сдѣлалъ сей Пренестъ? Вадимъ; какая слава,
Какой успѣхъ ему даетъ опмѣнны права?
Почто тобою такъ я люто пораженъ?
Но щещно быть Вигоръ не можетъ униженъ
И если должно мнѣ лишиться Рамиды.
Возшрепещи, швора толь смертны мнѣ обиды;
Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РАМИДА и СЕЛЕНА.

СЕЛЕНА.

Горчайшихъ слезъ твоихъ попоки осуши,
Не погружай твоей въ опчаенье души.

РАМИДА.

Селена! все мое почувствуй ты перзанье.
О доля люшая! о страшно состоянье;
О долгъ, долгъ варварскій; мнѣ должно жизнь
хранить.

И не для Рурика, а для инова жить;
Мнѣ должно, какъ врага, шово возненавидѣть.
Въ комъ духъ плѣненный мой привыкъ блажен-
ство видѣть;

Ево всечасно зрѣшь, ево любви внимать,
Взаимно нѣжностью за нѣжность воздавать,
Въ томъ находила я, надеждой ослѣпленна.
Чего неможеть мнѣ опдать и вся вселенна. —
Возлюбленный; въ сей день предвидѣть я
могла,

Что я смертельную во сердцѣ скрывъ печаль,
Которо безъ тебя не можеть утѣшаться,
И зрѣшь тебя должна я буду ужасаться;
Что душу зря мою въ тебѣ, о грозный рокъ;
Нѣжнѣйшу спрась должна счишаши за порокъ;

И что, о верхъ злыхъ мукъ, неслыханныхъ и въ
адѣ;

Злодѣйству мздою спавъ въ неблагодарномъ градѣ,
Должна, о страхъ; я съ тѣмъ себя соединить,
Кто мечъ свой долженъ въ грудь дражайшую
вонзить!

Одна опрада смерть въ несномомъ полъ му-
ченьѣ;

Но опнято и то нещасныхъ утѣшенъе;
Пристаища сего лишаетъ рокъ меня;
Умреши не могу ошду не измѣня.

Селена! ты меня отверженную, сиру
И непривязанну ничѣмъ ужъ болѣ къ мѣру,
Подъ игомъ должности лѣющу шоки слезъ,
Оставленну ошдемъ, забышу ошъ небесъ,
Не оставляй въ сѣи жестокія минушы!
Когда и смершныя ко мнѣ и Боги люшы,
Во дружбѣ лишь швоей опрада вся моя.
Не долго ошягчатъ Селену спану я,
Не долго; и души я въ Рурикъ лишенна,
Уже вкушаю смерть съ собою разлученна
СЕЛЕНА.

На дружбу ты мою надежду возлагай;
Исполнишъ все она, лишь шолько пожелай.
Мнѣ должноль Рурику, ошкрывъ швое мученъе,
И швоего ошца порочно ополченъе
Явиши всѣ ему опасности ево:

РАМИДА.

Желаю смерти я и болѣ ничево;

Ты хочешь, что бы я дочь люта и порочна,
 Спрадая отъ того что страсть моя безпрочно,
 Противъ родишеля измѣной вооружась,
 Оспраду обрѣла къ злодѣйству преклонясь.
 Нѣтъ. Надъ собой не дамъ я року столько власши;
 Умру въ мученіяхъ не заслужа напасши.
 Я не безчестія отъ дружества ищу;
 Той помощи одной, Селена я хочу
 Чшобъ стоны ты мои смертельны воспримала;
 Чшобъ состраданіемъ ты муки облегчала;
 И чшобъ, какъ смерть прерветъ несчастну жизнь сію,
 Явилабъ Рурику невинность всю мою.

СЕЛЕНА.

Се Рурикъ шествуетъ.

РАМИДА.

Мой духъ изнемогаетъ!

Сокроемся.

Я В Л Е Н І Е 2.

РАМИДА, СЕЛЕНА, РУРИКЪ и ИЗВЕДЪ.
 РУРИКЪ.

Меня Рамида убѣгаетъ;
 То зря, повѣришь я могуль моимъ глазамъ?
 Когда косаюсь тѣмъ радостнымъ часамъ
 Въ кошоры принесенъ ошедь твой въ здѣшнихъ
 спѣны
 Блаженство все мое — какія зрю премѣны? —
 Ты отвращаешь взоръ, шрепещуща, блѣдна! —
 Ты знаешь, счастье все мое лишь ты одна. —

Или ты бытъ могла противъ меня коварна?—
 Спасенье твоего народа благодарна,
 Другъ вѣрный общества, Герой нашъ, твой отецъ,
 Все то что свято намъ и боги наконецъ
 Моглибъ способствовать моей любви объшамъ;
 Но сердца не стремилъ къ священнымъ полъ пред-
 мѣтамъ:

То было бы ничто безъ сердца твоего. —
 Дражайшихъ слово устъ превыше мнѣ всего;
 Симъ словомъ отъ себя я въ щастіи увѣренъ;
 Считалъ увѣнчаннымъ мой жаръ къ тебѣ безмѣренъ,
 И зная что въ сей день отецъ твой увидитъ въ
 градъ,

Для укоренія души моей оправдъ
 Ко брачну торжеству ужъ все теперь готово.
 Ты повтори еще дражайшее то слово,
 Съ которымъ такъ въ сей часъ не сходенъ сталъ
 твой зракъ;

Преображая мнѣ свѣтъ солнца въ смертный мракъ
 Ты любишь ли меня, какъ прежде увѣряла?

Иль чшобъ люшѣй сразить надежду подавала?

РАМИДА.

Оставь къ несчастію рожденную на свѣтъ,
 Будь щастливъ безъ меня, инова средства нѣтъ,
 РУРИКЪ.

Что слышу? щастливымъ мнѣ бытъ повелѣваешь
 А сердце изъ меня, жестока! изторгаешь.
 Могу ли безъ тебя я душу ощущать?
 Тебя лишеннаго чѣмъ можешь свѣтъ прельщать?

Рамиду потерявъ, что наградитъ утрату?
За нѣжность всю мою готовить гробъ въ оплату.
РАМИДА.

Коль дочь Вадимова, сѣняща и слаба,
Возможетъ, мучая, не быть страстей раба,
Такой, какъ ты, Герой давъ щастіе народу,
Удобенъ возвратишь души своей свободу.

РУРИКЪ.

Какой ужаснѣйшій изъ устъ драгихъ совѣтъ;
Рѣчь каждая шоя, какъ буря духъ мяшетъ;
Колеблюся въ глазахъ замиженныхъ здѣшни
сѣны

Поняши не могу незапной шоль премѣны.—
О страшна мысль; иной тебя возмогъ пронуть?
Свершай свирѣпости, пронзая вѣрну грудь.

РАМИДА.

О мысль смертельная; сему ты можешь
вѣришь,
Что можетъ предъ тобой Рамида, лиемѣришь;
Что можетъ свѣтъ сносить и жить не для тебя?—
Ахъ что я дѣлаю? — разсудокъ погубя,
Стремлю смятенный духъ въ сладчайше изступ-
ленье.

Все то, что льстило мнѣ, все стало пресупленье.
Могуль я то сказать — о рокъ; о грозный рокъ;
Мнѣ даже зрѣшь тебя ужаснѣйшій порокъ.

Я В Л Е Н І Е 3.
 РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.
 РУРИКЪ.

Скрывается; а я какъ небомъ пораженный,
 Недвижимъ, громовымъ ударомъ изумленный,
 Въ окамененїи, всѣ чувства испребя,
 Не вижу ничево, не помню самъ себя.
 Рамида ль здѣсь была? она ли мнѣ вѣщала?
 Иль злѣйшая мѣчпа во снѣ мой духъ смущала?
 Рамида шо была все было на яву;
 А щещно изъ ея оковъ я сердце рву.

ИЗВЕДЪ.

Ошвергни спрасшь, тебя котора унижаетъ;
 Тебя, котораго весь Новградъ обожаетъ;
 Которому за трудъ безсмертна слава изда.
 Не допусти себя унизишь до стыда,
 Чшобъ для совмѣшника и мрачна и презрѣнна,
 Рамидою себя узрѣшь оприновенна.

РУРИКЪ.

Могуль я сей ударъ смертельный перенесъ.
 Иль можешъ до того ея гнусна бышь лесъ,
 Чшо бы, закрывъ себя ко мнѣ нѣжнѣйшей спрасшью,
 Ругагися моей священнѣйшею властью;
 И что бы гордости того меня предашь,
 Не стоишъ, можешъ бышь, кто и на свѣшъ взирашь.
 Изкореню любви изъ сердца всю отраву.
 Мнѣ должно сохранить приобрѣшенну славу,
 И не любовникомъ Монархомъ здѣсь пребышь,
 И даже имя сей Рамиды позабышь;

Мнѣ должно одолѣшь полъ тнусное терзанье —
Но ахъ ; почтожѣ сей сшонѣ , сей плачь и воз-
дыханье ?

Прерванны рѣчи тѣ и шо смятенье словѣ ?
Почто бы все сіе , когда бы не любовь ?
Есть тайна нѣкая , что сердце ей снѣдаетѣ ;
А тайны сей со мной она не раздѣляетѣ ;

[Кѣ Изведѣ].

Окончи смерть мою , ударѣ швой доверши.
Осшашка моя лишай меня души.
Надежду всю мою отѣемли ты , жестокій ;
И ядомѣ наполняй тѣ раны преглубоки ,
Которы кѣ горести Рамидой мнѣ даны.
Кшо дерскій врагѣ , кѣмѣ дни мои отравлены ?
Кшо сердце у меня Рамиды похищаетѣ ?

ИЗВЕДѣ.

Когда властитель мой мнѣ шо повелѣваетѣ
Ошкрышь я долженѣ —

РУРИКѣ.

Нѣтѣ , я вѣдать не хочу ;
Я самѣ себя страшусь , возторговѣ препену ,
Которы , возмушя мой духѣ ослабшій вѣ страсти ,
Подвигнушѣ кѣ низостямѣ позорнымѣ Царской
власти

И устремивѣ меня ошмцать подвластну мнѣ ,
Предсшавяшѣ Рурика Тираномѣ вѣ сей странѣ .
Коль должно мучиться , сшрадать одинѣ я сшану ;
Но скрывѣ отѣ глазѣ мою смершельну вѣ сердце
рану

Моимъ губителямъ я не подамъ оспрадъ,
 Чшобъ мной спасенъ меня возненавидѣлъ градъ.
 Всечасно самому себѣ пребывъ я равенъ,
 Хотя нещасенъ я, остануся въ вѣкъ славенъ;
 И благосшями скрывъ спѣнящую любовь,
 Коль подлыя сердца, презрѣнныхъ мной враговъ,
 Удобны мукою моею ушѣшашся,
 Сб ихъ подлостью швой князь не хочетъ уравнишся.

ИЗВЕДЪ.

Се мысль достойная возвышенныхъ на тронѣ.
 Возможенъ кто своимъ спрасшямъ давать законъ,
 Кто сердце средь ихъ волнѣ, какъ камень ушверждаетъ,
 Тотъ смершными одинъ достойно обладаетъ;
 Одинъ достоинъ онъ безсмертныхъ представлять
 И ихъ владычество въ порфирѣ раздѣлять.

[При сихъ словахъ едали показывается Пренестъ].

Увѣренъ, что швой духъ, въ волненіи спокоинъ,
 Не будешъ швоего величья недостоинъ,
 Чшобъ сердце спрасшно могъ шы легче изцѣлишь
 Я долженъ низкаго совмѣшника открышь.

[Указывая на Пренеста].

Се онъ, ничтожный врагъ спокойствія Царева.
 Спасителя сихъ странъ достоинъ ли онъ гнѣва?
 РУРИКЪ.

Пренестъ; — о небеса; скрѣпите вы мой духъ.

ИЗВЕДЪ.

По граду носишся о томъ повсюду слухъ,

Что съ сердцемъ отдаетъ ему Рамида руку.
РУРИКЪ.

Мнѣ должно подтвердишь мою несносну муку.

Я В Л Е Н І Е 4.

РУРИКЪ, ПРЕНЕСТЬ, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ [*Пренесту.*]

Приблизься ты ко мнѣ щастливый граж-
данинъ.

Хоть къ страху множество имѣешь ты причинъ;
Хоть долженъ предъ твоимъ владыкой содрага-
ться,

Но ты, безъ шрепета можешь мнѣ признаться
Вѣщай безъ ужаса.

ПРЕНЕСТЬ [*Въ сторону.*].

Открылось все шеперь;

[*Къ Рурику.*].

Порывы гордости власпителя умѣрь.

Могуль твоею бышь я злобой воспревоженъ.

Кому несмрашна смершь, предъ тѣмъ твой
скинтръ ничтоженъ.

РУРИКЪ.

По чувствамъ ты твоимъ судя и о моихъ.
Ужъ казни смертныя ты мыслишь видѣшь въ нихъ.
Когдабъ владѣлъ Пренестъ, къ помубъ онъ
былъ удобенъ;
Но Рурикъ можетъ ли Пренесту, бышь по-
добенъ.

Напрасно ты на смерть готовишься дерзашь
 И скипетръ тщетно мой ты смѣешь презирашь.
 Ты съ горделивостью швою вину являешь
 Чтobъ раздражить меня; но ты не раздражаешь.
 Ко гнѣву на себя я скипетръ не преклоню,
 И, спраси слѣдуя себѣ не измѣню.
 Спокойнѣ предѣ тобою, что ты мой врагъ я знаю,
 И зная все, тебя съ Рамидой презираю,

ПРЕНЕСТЬ.

Коль есть полъ нискія среди гражданъ сердца,
 Которы, ослѣпясь, блистаніемъ вѣнца,
 Вкругъ прона ползая, корыстью уловлены,
 Ошкрыли подвиги Героевъ сокровенны
 И продали тебѣ отечество и честь,
 Не думай что бы я, закрывся въ робку лещь,
 Въ изгибахъ гнусной лжи возмогъ бы пресмыкаться
 И что я врагъ тебѣ ошѣ чести опридатся.
 Славнѣй за общество съ Вадимомъ умереть
 Какъ ради милостей твоихъ свѣшъ солнца зрѣшь,
 РУРИКЪ [*Въ сторону*].

Что слышу; люта вѣсшь;

ПРЕНЕСТЬ.

Твой шронѣ стоишѣ надѣ безной.
 Ошищай, коль хочешь ты миѣ казнью без-
 полезной

Но знай, когда себя желаешь сохранить,
 Сражай весь Градѣ, чтobъ всѣхъ Героевъ из-
 требишь:

Владѣй надѢ мертвыми, или сойди сопрона.

РУРИКЪ.

Твои угрозы мнѣ не могутъ быть препона
 Ко щастью вашего народа обладать.
 На поль я спасѢ сей ГрадѢ, чшобы его предать
 ВельможамѢ, гордецамѢ, мяшежнымѢ и крамоль-
 нымѢ;
 ТѣмѢ только властїю моею недовольнымѢ,
 Чшо ихѢ я обуздалѢ народу зло творить
 И вѢ мнимой вольности свое ширанство крыть.
 Вы скиптрѢ мнѢ дали здѣсь кѢ скончанїю на-
 паси;
 И скипетрѢ сей опнять не вѢ вашей болѢ власти.
 На добродѣтели престолѢ мой утвержденѢ:
 Зрю ясно я чшо онѢ богами покровенѢ,
 Они швой духѢ вѢ сей часѢ повергнувѢ вѢ заб-
 лужденье,
 Сокрыто отѢ меня явили преступленье;
 И самѢ ты измѣнилѢ сообщникамѢ швоимѢ,
 Да вострепещутѢ всѢ и даже самѢ ВадимѢ.

Я В Л Е Н І Е 5.

: ПРЕНЕСТЬ [ОдинѢ].

Чшо сдѣлалѢ я? его вопросами смященный,
 ДалѢ видѢшь на него ВадимомѢ мечъ взнесенный,
 И на составленный ГероевѢ, заговорѢ,
 Я просвѣшилѢ его покрытый мракомѢ взорѢ.
 Горя любовїю кѢ РамидѢ онѢ прелестной,
 ОнѢ шолько зналѢ чшо я — но кшо же шотѢ
 безчестной.

Который могъ открышь ? — Вигоръ совмѣстникъ
 мой,
 Онъ мукой ревности шѣснимъ, ядъ пролилъ свой;
 И вѣдая ко мнѣ Вадима предпочтенье,
 Пушемъ коварствъ однѣхъ стремился въ ошом-
 щенье.

Се онъ.

Я В Л Е Н І Е 6.
 ПРЕНЕСТЬ, ВИГОРЪ.
 ПРЕНЕСТЬ.

Скажи кто могъ Тирану то внушишь,
 Что возмогу его Рамиды я лишишь?
 Не пыль, ея опда познавъ ко мнѣ приспращье,
 Повергъ его, меня и общество въ нещасье
 И ревностью пвоей —

ВИГОРЪ.

Не я.

ПРЕНЕСТЬ,

Въ сердцахъ у насъ
 Священна тайна та отъ прошчихъ скрываетъ.
 Могу ли обратишь сомнѣнье на цнова
 И чѣмъ увѣришь ты?

ВИГОРЪ.

Не я. Сего довольно слова

Ко оправданію всей чести моя.
 Россіянинъ таковъ какъ ты, таковъ какъ я,
 Коль слово изречетъ, должны и боги вѣришь
 Единные рабы удобны лицемѣришь.

ВЪ сомнѣнїи швоемъ прощаю я тебя.
 Ты мысля что я подлѣ, унизилѣ самѣ себя.
 Хотя вѣ шебѣ врага щасплива ненавижу;
 Но подлостью себя во гнѣвѣ не обижу.
 Дабы совмѣстника щасплива испребишь,
 Такѣ много я себя не возмогу забышь,
 Чшобѣ уклоня мой духѣ ко гнусну наущенью,
 Черезѣ Тирана злость достигнуть кѣ опомщенью;
 И пресмыкаяся шоль мерзко какѣ змїя
 Не скрою ненависть мою двѣшами я.
 Тобой лишаяся Раиды, смершно спражду;
 Я врагѣ шебѣ; и кровь швою пролишь я жажду;
 Но насѣ отечество его спасти зовешѣ;
 И вотѣ Пренестѣ шеперь единый мой предметѣ.
 Одинѣ Тиранѣ мое опмщенье привлекаешѣ.
 Мою напашѣ, напашѣ нѣрода помрачаешѣ.
 Но послѣ, какѣ здѣсь шронѣ свободы нашей страхѣ,
 Низверженѣ, сокрушенѣ преобратится вѣ прахѣ;
 Когда опрадна я лучѣ вольности проглянешѣ,
 Тогда Вигорѣ шебѣ швоимиѣ врагомѣ предстанешѣ
 И, жить кому, изѣ насѣ оружіе рѣшишѣ.

ПРЕНЕСТѢ.

[Уходитѣ].

Стремленье грозно шоль меня не ушрашишѣ.

Конецѣ третьяго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Я В Л Е Н І Е 1.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

ИЗВЕДЪ.

Злодѣйски умыслы ужъ всѣ шеперь открышы.
И видны вкругъ тебя всѣ пропасти изрышы.
Хоть гордый сей Пренесѣ изъ Градскихъ стѣнъ
изчезъ

И таинство съ собой злодѣйствія унесъ;
Но мной уловлены здѣсь воины Вадима.
Толпа злодѣевъ сихъ, подъ спражею хранима,
Призналася во всемъ: открыла лютый ножъ.
Который ненависть готовила велможъ
На грудь спасителя сего мятежна града.
Исполненныхъ къ тебѣ свирѣпѣйшаго яда
Я знаю имена —

РУРИКЪ.

Я знать ихъ не хочу.

Не зря измѣнниковъ измѣну отвращу.
Что нужды вѣдашь мнѣ, кто гнусенъ предо мною.
Которою ихъ спасъ, спасусь я той рукою,
Какъ начелъ, шествуя всегда пушемъ прямымъ,
Народу покажу, кто я и кто Вадимъ.
Знашь всѣхъ предашелей то робости признаки
Да скроютъ подлость ихъ забвенья вѣчны мраки;
Презрѣнны мной во мглѣ пресупка своего,
Неудостоенны и гнѣва моего,

Не зримы въ гордости, кошору восприяли,
 Да упадушъ во прахъ, отколь главу подъяли.
 Коль боги поразахъ Вадима сей рукой,
 Изчезнутъ всѣ сихъ спранъ смущающи покой

Поди и угошовъ моихъ Варяговъ къ брани;
 Пойдемъ подъ сѣнію боговъ безсмертной длани,
 Не тронъ мой, истинну свящую защищать.

О вы, могущіе всечасно проницать
 Сквозь завѣсу притворствъ, сердецъ въ изгибы
 темны;

О вы, кошорыми и пропасти подземны
 Толь ясно видимы какъ свѣшлы небеса,
 На духъ мой обраща вы ваши очеса,
 Узрите боги, какъ я сердце разрываю.
 Чшо кровь Гражданъ пролишь по долгу приступаю.
 [Къ Изведъ].

Свободу воинамъ, Вадима возвраши;
 Моей щедрошою за злобу заплаши;
 Что бы представъ предъ нимъ явили шо Герою,
 Чшо дружбы я ево, не злости гнусной спою;
 Но не спрашась его спремлюся опразить
 Ударъ, кошорымъ мнѣ дерзаетъ онъ грозить.

ИЗВЕДЪ.

Щедроша ко врагамъ ихъ гордость воздымаетъ;
 Великодушіе намъ бѣдственнo бываетъ
 И стоить ли Вадимъ почшенья твоего?

РУРИКЪ.

Когда не стоить онъ, достоинъ я того.

Новградѣмъ, въ гордости своей жестокосердымъ,
 Симъ, вредной вольности, защитникамъ полъ
 швердымъ,
 Могу я показать, примѣромъ чувствъ моихъ
 Что добродѣтель есть стократъ превыше ихъ.
 Поди и крошости моей исполни волю.
 Я правъ, и небесамъ мою вручаю долю.

Я В Л Е Н І Е 2.

РУРИКЪ [Одинъ].

Надъ пропастями здѣсь мой шронъ постано-
 вленъ;

За благости мои я злобой окруженъ,
 И сердце горестью мое всечасно сжато.
 Се участи владыкъ свой долгъ хранящихъ свято:
 Всечасно мучая ошрады не видашь.
 Не споюшъ смертные чтобъ ими обладашь;
 Благодѣлателямъ содѣтели мучая
 Не споюшъ ни когда они благодѣленья. —

Смѣдися мысли сей возвышенный на шронъ;
 Когда властители въ сіяніи коронъ
 Величія боговъ подобіе не ложно,
 Сравнясья должно имъ и духомъ непреложно.
 Хоть слабы смертные погружены въ порокъ;
 Хоть сами тяготя въ безуміи свой рокъ
 Неблагодарностью громъ неба привлекаютъ;
 Но боги солнечнымъ лучемъ на нихъ блистаютъ;
 Въ дарахъ природы всей вселенной славя пиръ,
 На злобу не смотря, лѣютъ щедроты въ миръ.

Я В Л Е Н І Е 5.

РУРИКЪ, РАМИДА.

РАМИДА.

Вспревоженъ городъ весь — я паче всѣхъ смущенна.

Хладѣетъ кровь во мнѣ вся къ сердцу обращенна.
Тѣснился грудь моя и меркнетъ солнца свѣтъ.
Восставшу бурю зрю, пристанища мнѣ нѣтъ,

Ужъ къ сердцу своему не смѣю обратиться;
Рамида бѣдная ужъ шѣмъ не можетъ льститься;
Уже шрепещуща предъ взоромъ я швоимъ,
Я какъ преступница предъ судіей моимъ; —
Но боги зрятъ —

РУРИКЪ.

Почто такое дерзновенье?

Страшисъ безмершнихъ звать на клятвопреступленье.

Или, ты искренность спремяся мнѣ явишь,
Въ прерванну съшь меня ты хочешь уловить?
Не мысли, что бы я, подобно какъ и прежде,
Униженъ, ослѣпленъ въ посшдыдной мнѣ надеждѣ
Пришворства всѣ швои во сердцѣ воспрималъ,
Которыми швой духъ, такъ люшо мной игралъ;
И продолжая млѣшь предъ взорами швоими,
Злодѣю моему былъ жершвованъ я ими.
Открылось все шеперь; и шѣ прошли часы,
Въ которые швои невѣрныя красы,
Плѣненный духъ шобой всечасно наполняли
И мнѣ въ тебѣ одной все шщастіе являли.

Не льстися болѣ шѣмъ; и въ гордости швоей
 Не ожидай, чтобы горчайшихъ слезъ ручей,
 У ногъ швоихъ лѣя страны сея власишесль
 Былъ милосшей любви презрѣннѣйшій просишель;
 Или, чтобы ревностью я въ ярость приведенъ,
 То сердцебъ опнималъ, копорымъ я презрѣнъ.

Укоры, жалобы и нѣжны изступленья,
 Воспорги ревности, сердечны изъясненъя,
 Тѣ споны горести, порывы гнѣва шѣ,
 Копоры лесны такъ надменной красотѣ,
 Суть сердца моего чувствительнаго ниже.
 Вѣрь, что бы ни шерфѣлъ, но я спократно ближе
 Умрешъ, какъ слабосшямъ моимъ свободу дашъ,
 Презрѣвшую меня симъ средствомъ привлекашъ.
 Чегобъ ни стоило, но сердце ужъ рѣшилось
 Невѣрную забышъ и все шеперь свершилось;
 Свершилось все; уже швоей избавленъ лесши,
 Превыше мукъ любви, превыше низкой месши,
 Себя умѣю я шолико почишашъ,
 Чтобъ сердце одолѣвъ его иной опдашъ.
 Иная, моя любви, познаешъ цѣну;
 Иная, за швою заплашишъ мнѣ измѣну
 Иная прелести швои красы зашмяшъ
 И щещенный жаръ къ тебѣ изъ сердца изшребяшъ.
 Будь щасшлива шы шѣмъ, кѣмъ пламенно пылаешъ;
 Иною щасшливѣ я — шы слезы проливаешъ,
 Рамида!

РАМИДА.

Ты судьба; лишивъ меня всего,
 Къ усугубленію свирѣпства твоего,
 Мою невинность тьмой порока помрачила;
 И утѣшенія послѣдняго лишила,
 Когда для Рурика воспрещено мнѣ жить,
 Во гробѣ Рурикомъ оплаканною бытъ.

РУРИКЪ.

Ты плачешь и умрешь, Рамида; ты желаешь;
 А сердце ты свое такъ люто општоргаешь
 Ошъ сердца моего живущаго шобой.
 Коль слезы искренность лѣешь передо мной —
 Оставь, Рамида; я не долженъ сомнѣваться;
 Не можешь лестию ты гнусной унижаться —
 Оставь мнѣ, если шѣмъ себя я оскорблялъ;
 Что хладность горькую мой духъ шебѣ являлъ;
 Оставь; я самъ себя въ досадѣ ослѣпляя,
 Былъ чаялъ изцѣленъ смерть въ сердцѣ заключая
 Невѣрь, не вѣрь словамъ опчаянной любви
 И шокъ изъ очей лѣющихся прерви.
 Кто? я? чшобѣ я престалъ шебя любить, Рамида;
 Лишиться твоего возлюбленнаго вида,
 Иль свѣта солнечна не зрѣшь мнѣ, шо равно,
 Мнѣ сердце для тебя единой лишь дано.
 Мой пламень никогда, ни чемъ не истребится.
 Коль любишь ты меня, пущь твой ошецъ стре-
 мится
 Взнесенный на меня низринуть свой ударъ;
 Ко дщери я его, храня во сердцѣ жаръ,

Несправедливости его опровергая,
Умру, иль побѣжду Рамиду обожая.

РАМИДА.

О кляшвы спрашныя. копорыхъ я раба;
О долгъ, о люшый долгъ! о грозная судьба!
Лишенна всякой я надежды и опрады:
Неодолимыя межъ нами сушь преграды.

РУРИКЪ.

Преграды? —

РАМИДА.

Если мой ошедъ падешъ шобой,
[Великихъ чувство душъ ты вѣдаешъ, Герой]
Дочь сверженна врага, могу ли бышь швоею?
И если, слабостью оплаканный моею,
Изгнанный ты изъ сихъ печальныхъ полныхъ стѣнъ
Пребудешъ отъ меня на вѣки удаленъ,
Могули бышь швоей? назначенна дѣною
Иному —

РУРИКЪ.

Ежели неправедной судьбою
Опредѣленно мнѣ на полъ брани пастъ,
Паду; но мершвъ, и вся моя свершишся частъ.
Когдажъ побѣду мнѣ дадушъ безсмертны боги,
Иль чувствія ошца, не справедливо спроги,
Во сердце воспріавъ и духъ преобразя,
За всю мою любовь мнѣ шомну грудь разя,
Возможешъ слѣпо ты ему повиновашся

РАМИДА.

О шомъ ты можешъ ли хошь мало сомнѣвашся

Привыкнушь власть отца священной почитать,
 Мой долгъ, исполнивъ все, въ молчаніи спрадашь
 И преноса мое безъ ропота мученье,
 Въ несчастіи ему содѣлать утѣшенье.
 Разстанься мнѣ съ тобой, пусть жизни спо-
 итъ то

Но даръ отца, предъ нимъ мнѣ жизнь моя ничто.
 Глубоко заключа мою я въ сердце муку,
 Иному я отдамъ шепещущую руку,
 И совершу, отцемъ желанный, лютый бракъ.

РУРИКЪ.

И се люби швоей ко мнѣ неложный знакъ!
 Не чувствовала ты любви ко мнѣ ни мало.
 Притворства швоего то было покрывало,
 Чемъ нѣжну спрасъ мою мрачила ты въ сей часъ.
 Тѣ слоны, слезы шѣ швоихъ коварныхъ глазъ
 Завѣса лишь одна швѣей къ иному спраси;
 Къ Пренесшу гордому, моей злодѣю власши.

РАМИДА.

Моглабъ я, низкія сомнѣнія презрѣвъ
 И сей, котораго превыше я, швой гнѣвъ,
 Въ молчаньи удалясь, безъ ропота, спокойно,
 Пренебреженіемъ отвѣтствованъ достойно;
 Но время дорого: познай, что средство есть,
 Колю любишь ты меня, прервать Вадима лѣсть
 И, дружбы узломъ съ нимъ тебѣ соединишься.
 Мы щасливы, когда ты можешь согласишься

РУРИКЪ.

Коль должно, я всю кровь мою пролишь готовъ.

РАМИДА.

Герой, спаситель нашъ, не вышелъ ты вѣн-
цовъ,

Чѣмъ украшаются Цари обыкновенны;
И кои истиннымъ Героемъ суть презрѣнны? —
Гражданка, приучась я равенство любишь,
Обманываюся симъ чувствомъ, можешь быть,
Что властолюбіе величію безчестно,
И что съ мучительствомъ однимъ оно совмѣстно.
Не вѣрю, чѣмъ твой духъ быть могъ власто-
любивъ.

Остави шу мечу, чѣмъ, гордость оскорбивъ,
Ты злобу на себя отовсюда привлекаешь:
И чѣмъ себя на вѣкъ съ Рамидой разлучаешь.
Зря цѣну всю себѣ во сердцѣ лишь швоемъ
Не въ бранныхъ пышностяхъ, довольствуйся ты
шѣмъ

Что ты достоинъ быть на небесахъ съ богами,
Всѣмъ равный Гражданинъ попри вѣнецъ ногами,
И бурей окруженъ разруши сей престолъ,
Жилище горестей и безну страшныхъ золъ.

РУРИКЪ.

То позно — знаешь ты какъ тронъ уваженъ
мною.

Ты помнишь какъ сей Градъ прельщенный пишиною
По грозныхъ буряхъ, я которы укротилъ,
За щасіе свое престоломъ мнѣ плашилъ;

Отвергъ я власть тогда и могъ отвергнуть съ
славой.

Велико пренебречь величїе съ державой.

Но послѣ, какъ народъ съ стenanьемъ, съ по-
комъ слезъ

Моленія свои къ ногамъ моимъ принесъ;

Страшась опять нести мной сверженную сягосъ,

Принудилъ въ долгъ мою преобращишься благосъ;

Какъ щастья общаго залогомъ мой вънедъ

И спала власть моя опрадою сердецъ,

Сколь гнусно, зря мечи противъ меня мяшежны,

Низвергнуть все опять въ напасти неизбѣжны

Коль прежде чesъ снискалъ опрекшись власти я,

Унизалисябъ шеперь, я право отдаю

Въ сердцахъ швоихъ Гражданъ начертанно лю-
бовью

Я долженъ защищать его моею кровью.

Владѣя какъ ошедъ, я долженъ жизнь презрѣть

Достойнѣй я иныхъ на шронъ умереть.

Не привлекай меня ты къ низосѣямъ толикимъ.

Чтобы мнѣ другомъ бышь съ ошцемъ швоимъ
великимъ,

Не подлосъ средство, нѣтъ. — Рамида, ты сама.

Когдабъ изчезла шѣмъ напастей нашихъ шма,

Предъ свѣшомъ бы меня увидя постыженна,

Любя достойнаго, презрѣлабъ униженна.

На лаврахъ взросшая, Героя славна дщерь.

Межъ чesпи и любви будь судія шеперь.

РАМИДА.

Я чувствую швой долгъ; какъ горько ни спонаю,
 Я плача, не тебя, но рокъ мой обвиняю.
 Могуль порочишь то, что чешь швою храня,
 Ты славъ жершвуешь нещаснуну меня.
 Виновна въ помѣ моей судьбины непреложность.
 Почувствуй же и ты мою священну должность,
 И, чести слѣдуя, не воспрещай мнѣ въ помѣ,
 Любя меня, ощу ты долженъ быть врагомъ.
 И я тебя любя, какъ въ горести ни млѣю,
 Чтя чешь равно тебѣ не буду я швоею.
 Жаръ нѣжный во вражду стараясь премѣнишь,
 Хоша не возмогу я сердца покорить,
 Но должности моей могу повиноваться,
 Тебя лишась всякъ часъ съ душою расставаешься.
 РУРИКЪ.

Огрозная судьба;

РАМИДА.

О часть, смертельна часть!

РУРИКЪ.

Въ сей день предвидѣлъ ли шоль люшуну напастъ,
 Ошъ сердца швоего я щастья ожидая;

РАМИДА.

На сердцѣ я швоемъ надежду ушверждая,
 Заслугой къ обществу швоей себѣ маня,
 Моглаъ я предузнать, что люшый рокъ меня,
 Близъ края щастія, низвергнетъ смерти въ безны.
 РУРИКЪ.

Погибло все для насъ.

РАМИДА.

О споны бесполезны!

Я В Л Е Н І Е 4.

РУРИКЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ,
ИЗВЕДЪ.

Спѣши, о государь; ужъ воинствомъ Вадимъ
Быть чая въ гордости своей непобѣдимъ
Поля у здѣшнихъ спѣи въ сей часъ обременяетъ.
РУРИКЪ.

Иду куда меня долѣ люшый призываетъ.
Иду, лишась тебя, тебя достойнымъ быть;

[къ Рамидѣ.]

То помня что Монархъ, любовника забышь.
И обществу моей пожертвовавъ оспрадой
Мученье вѣчное, иль смерть принявъ наградой
Коль чести на пуши сужденъ я мершвъ упасъ
Вспомнивъ бы мою къ тебѣ шоль нѣжну спрасъ,
Въ награду мнѣ за то, узрѣвъ меня во гробѣ
Содѣлавша конецъ опца жестокой злобѣ,
Слезамъ ты мой гробъ драгими удостой
И спономъ шѣи мою печальну успокой.

РАМИДА.

Свершивъ къ опцу мои я должности жестоки,
Не слезы по тебѣ пролью, но крови шки!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РАМИДА [Одна].

Ужѣ люта брань кипишѣ и кровь течетѣ
рѣкой.

И Рурикѣ и Вадимѣ, убійственной рукой
Другѣ въ другѣ жизнь мою въ сей часѣ ошняшѣ
стремяшся,

На шоль Герои вы, чшобѣ шолько истребляшся? —

О какѣ несчастна я; любовникѣ и ошедѣ,

Дражайши имена для щасшливыхѣ сердецѣ,

А мнѣ, а мнѣ и вы источникѣ сшраданій: —

Вѣ пучинѣ горестей, смяшеній, колебаній

Мой духѣ шрепещущій, обоихѣ васѣ любя,

Вѣ сей часѣ желалѣ бы самѣ убѣгнушѣ отѣ
себя —

Я въ горести отѣ всѣхѣ оставлена, забывша,

И ты Селена, ты отѣ глазѣ моихѣ сокрыта;

Не придешѣ смертну грусть со мною раздѣлишѣ

И дружесшвомѣ шоску смершельну ушполишѣ; —

Увы въ сей сшрашный часѣ сама себѣ я въ шя-
гость; —

Могу ли умолишѣ, безсмертны, вашу благость;

Могу ли къ жалости васѣ, боги, преклонишѣ,

Чшобѣ жизнь мою прервавѣ, шо время упредишѣ,

Когда поражена я брани окончаньемѣ,

Или ошда моимѣ прогниваю сшенаньемѣ,

Но сердце изъ погб Вадима изключенно.
 Неможете души моей поколебать
 И громомъ вѣружась власпишеля мнѣ дашь; —
 Чегожъ я жду? — О! дщерь нещасна и любезна
 Когда опечесству жизнь наша бесполезна,
 Снавъ праздными его свидѣшлыми оковъ,
 Намъ ползати ли въ толпѣ ширановыхъ ра-
 бовъ? —
 Ты плачешь, горестью моею пораженна?
 Не плачь; ушѣха естъ нещаснымъ откровенна.
 Она для робкихъ душъ ужасна и горька;
 Великодушю прїятна и сладка:
 Небыть, престати сей свѣтъ, ширановъ жертву
 видѣшь;
 Смерть благо ежели жизнь должно ненавидѣшь.
 Умремъ; уклонимся отъ подлостей и злобъ
 Въ одно нещасливимъ убѣжище, во гробъ.
 Умремъ; — но что? о рокъ! я жизни ненавижу,
 А средства и умереть нещасный, я не вижу,
 Съ мечемъ послѣдней сей надежды я лишенъ.
 [Къ Рамидѣ].
 О ты, въ которой духъ мой долженъ быть вну-
 шенъ;
 О дочь опечесства упавшаго со мною!
 Когда почтенъ равно въ нещасьи я шобою,
 Коль въ ухахъ я тебѣ какъ въ лаврахъ былъ
 опецъ,
 Содѣлай бѣдствїямъ ты нашимъ всѣмъ конецъ;
 Желанной смерти мнѣ орудіе достави
 И отъ позора жишь себя со мной избави.

Лети на крыліяхъ и ускори принесть
 Чемъ должно, въ сей же часъ, избавишь нашу честь
 Отъ зрѣнья лютаго врага побѣдоносна —
 Трепещешь — жизнь твоя тебѣ безъ чести сносна?
 Я чувствую что дочь отбѣмлешь у меня.
 Злодѣйствуешь опцу еще твой жаръ храня —
 Се робости твоей прегнусная причина;
 Се лютой участи Вадимовой вершина! —

О вы, за общество на вѣкъ закрывши взоръ,
 Сколь щастливѣй меня вы днесъ пренесѣ. Вигоръ!
 Неувядаемымъ покрывши лавромъ оба,
 Вы славы на поляхъ сошли во мраки гроба;
 Еще опечество дышало въ оный часъ;
 Надежда сладкая сопровождала васъ;
 А я, игралище меня гоняща рока,
 И жертва низкая Рамидина порока,
 Я долженъ горести несмѣшныя вкусить —

РАМИДА.

Неможешь болѣ несчастна дочь сносить
 Сихъ молній изъ твоихъ мнѣ столько грозныхъ
 воровъ,
 Сихъ смертныхъ для меня неправедныхъ укоровъ.
 Коль должно свергнушь мнѣ сей жизни сягошы,
 Спокойся, государь, доволенъ будешь ты.
 Мнѣ жизнь моя ничто, когда ея лишенъе,
 Тебѣ, родишель мой, быть можетъ утѣшенъе.
 Клянусь у ногъ твоихъ, клянусь въ сей лютой часъ,
 Что я тебя уже послѣдній вижу разъ;

И что въ послѣднѣе, мои являя муки,
 Слезамъ горькими твои кроплю я руки.
 Блаженна, коль мою проливъ нещасну кровь,
 На гробъ мой возвращу родительску любовь
 И споны привлеку жалѣнія сердечна.
 Но ты не ожидай, чтобъ дочь безчеловѣчна
 Съ отчаяньемъ своимъ согласна я была
 И къ смерти бы ощу я средство подала;
 Чтобъ ставъ участницей оидеубійству люту
 Кляла, сама себя въ послѣдню я минушу.
 Прости, родитель мой, въ послѣдній разъ прости!

[Хочетъ идти]

ВАДИМЪ.

Не оставляй меня ты тгусну жизнь нести.
 Минута каждая, мигъ каждый мнѣ позоры!
 Куда ни обращаю мои смященные взоры,
 Къ мученью моему, все мой являетъ стыдъ.
 Мнѣ кажешся все здѣсь, пріѣвъ унылый видъ,
 Свободы требуешь, упраченныя мною
 Вздохъ каждый мой моею бышь кажешся виною!
 Сей воздухъ чемъ дышу, земля гдѣ я спую
 И стѣны вопіютъ кленя днесъ жизнь мою:
 Ужъ нѣмъ отечества, а ты на свѣтъ зриаешь;
 Немогъ его спасши, а ты не умираешь! —
 О мысль смертельная, грызуща сердце мнѣ
 Подобна яростной въ часъ бурныхъ грозъ волнѣ,
 Опровергающа мой духъ шоль прежде твердый:
 Се скоро придетъ къ намъ сей Рурикъ, мило-
 сердый

И въ благосѣхъ люшую, преобраща свой громъ,
 Мнѣ сердце разорветъ прощенія спыдомъ.
 О крайность страшная! о бездна посрамленья!
 Не дай дожить мнѣ шоль несноснаго видѣнья —
 Все позно! — се мой врагъ. Разверзися земля
 И въ пропастьхъ закрой нещаснаго меня!

Я В Л Е Н І Е 3.

РУРИКЪ [*за нимъ вельможи,
 воины, народъ*].

ВАДИМЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ [*Вадиму*].

Хоть былъ я принужденъ, Вадимъ, съ тобой
 сражаешься,

Побѣдой не могу моею наслаждаешься,
 Когда она въ тебѣ питаешь ту вражду,
 Которой отъ твоихъ я чувствъ себѣ не жду.

ВАДИМЪ.

Что право подаетъ тебѣ надеждой льститься,
 Когда ты побѣдилъ со мною примириться?
 Не сей ли на главу блистающій вѣнецъ?
 Сіе гнушеніе свободныхъ всѣхъ сердецъ!
 Хоть иго днесъ твое побѣдой оправданно;
 Презрѣнно право иной, одною силой данно.
 Побѣда можешь ли вѣнца закрасить зло?
 Желалъ бы я, когдабъ собылся то могло,
 Чшобъ щастіемъ въ числѣ безсмертныхъ помѣ-
 щенный,
 Хотѣлъ мнѣ другомъ бышь ты громомъ воору-
 женный;

Я съ радостью тебя возмогъ на небѣ зрѣшь,
 Чшобѣ съ силою швоей тебя и шамѣ презрѣшь.
 РУРИКЪ.

Сей шщетной гордости безплодное паренье,
 Достойнѣй, можешѣ бышѣ, привлечь къ себѣ през-
 рѣнье;

Но чшу въ нещастіи Рамидина опца,
 Въ сей день отчеству кровавыхъ бѣдѣ шворца.

ВАДИМЪ [къ народу]

Для возвращенья вамѣ потерянной свободы,
 Почшо не могъ пролить всю кровь мою, народы!
 РУРИКЪ.

Велможи, воины, Граждане, весь народѣ!
 Свободы ваша какой былѣ прежде плодѣ?
 Смяшеніе, грабежѣ, убійство и насилъе,
 Лишеніе всѣхѣ благѣ и въ бѣдспвахѣ изобилъе.
 И каждый здѣсь когда лишь шолько силенѣ онѣ,
 Одно закономѣ чшилѣ чшобы свергать законѣ.
 Мечемѣ и пламенемѣ раздора оруженный,
 Ко власши шекѣ, въ крови Гражданей погруженный.
 Священны узлы всѣхѣ шилѣ смутный градѣ.
 Сыны противѣ отцовѣ, шны противу чадѣ,
 Тиранамѣ чшобѣ служишѣ, шростерши люшы длани,
 Отцеубійствію искали гнусной дани.
 Граждане видѣли другѣ въ другѣ лишь враговѣ.
 Забыли честность всѣ, забыли и боговѣ.
 Прибышокѣ здѣсь одинѣ былѣ всѣхѣ сердецѣ
 владѣшель;
 Сребро единый богѣ и алчность добродѣшель —

ВАДИМЪ.

На мѣсто вольности небесной красоты.
Ты своеволія являя намъ чершы —

РУРИКЪ.

Дай кончить мнѣ всѣ то что я сказать желаю.
Межь нами судіей народъ я поставляю.
Хоша побѣда днесъ подвергла мнѣ тебя —

ВАДИМЪ.

Подвергла? — можешь ли, разсудокъ погубя,
Воображать себѣ, о ты рабовъ власшитель!
Что ты Вадимова и духа побѣдитель?

РУРИКЪ.

Я правы щасція умѣя позабыть,
Принужу истинной тебя мнѣ другомъ быть.

ВАДИМЪ.

Мнѣ другомъ? ты? въ вѣндѣ? престани тѣмъ
плѣняясь:

Скорѣ небеса со адомъ сѣдиняшя!

РУРИКЪ.

Желалъ ли я вѣнца, ты вѣдаешь то самъ.
Я несъ не для себя спасенье симъ спранамъ:
Народомъ призванный закрывъ его я безну,
Доволенъ тѣмъ, что часъ окончилъ вашу слезну,
Благотвореніе хотѣлъ ли я продать,
И цѣну дѣлъ моихъ мздой трона унижать?
Искалъ ли власти я отъ коей отридался?
И можешь ли то быть чтобъ скиптромъ я прель-
щался?

Иль славы придалъ мнѣ пронѣ пышностью своей?
 Кто спасъ народъ отъ бѣдъ, превыше шотъ Царей
 Въ ушѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнью короны;
 Но согражданъ твоихъ тогда плачевны споны
 Мой духъ принудили ихъ счастья не лишить.
 Начавъ благошворить былъ долженъ довершить.
 Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
 Чтотбъ вашему для васъ покорствовать закону.
 Я чѣмъ врачу мой пронѣ? гдѣ первый судья,
 Вы вольны, счастливы, спонаю только я.
 Который Гражданинъ хранящій добродѣтель,
 Возможеть укорить, что былъ я зла содѣтель.
 Единой правды чия священнѣйшій уставъ,
 Я опнялъ ли хотя чершу отъ вашихъ правъ?
 И если иногда отъ строгости закона,
 Изъ устъ несчастливыхъ я слышалъ жалость,
 спона,

Чего я правдою спонающихъ лишалъ
 За то щедрою моею ушѣшалъ.
 Скажите, истиннуль, Граждане, я вѣщаю?
 Въ свидѣтели и васъ я боги призываю.
 Вы знаете, что я имѣя вашу власть,
 Спрашлся слабостей подъ бремянемъ упасъ;
 И, прихотъ гордости я долгомъ удручая,
 Несъ иго скипетра себя не примѣчая.
 Я помнилъ завсегда что есть на небесахъ
 Судьи, гремящіе земныхъ владыкъ въ сердцахъ,
 Которые Царя колебля на престолѣ,
 Всечасно вопіюшъ его всевластной волѣ:

„Намъ каждая слеза текущая видна;
 „Кошора пышностью твоей допущена;
 „Мы слышимъ каждый стонъ невнемлемый тобою,
 „Изъ слабаго влекомъ насильственной рукою;
 „Мы каплю каждую пролишой крови зримъ —
 „Вострепещи со всемъ сіяніемъ твоимъ!
 „Не оправдай себя, великъ обремененіемъ,
 „Необходимостью, Тирановъ извиненіемъ.

Вѣдай народъ, моей державою хранимъ,
 Тѣвилъ ли я боговъ правленіемъ моимъ.

[Къ Владимиру].

Но ты не помышляй, что власти вышней жаденъ,
 На то являю я мой скипетръ полъ оправденъ,
 Чшобы склонить народъ мной щасливъ въ сей
 странѣ,

Изъ милости вѣнецъ еще оставитъ мнѣ;
 И чшобы гордости не славѣ я покоренъ,
 Противу воли всѣхъ одинъ владѣшь упоренъ,
 Хошѣлъ я удержатъ правленія броды,
 Ища насиліемъ моей заслугѣ мзды.

Когдажъ противъ себя подвигся я ко брани,
 Не властолюбію плашилъ, но чесши дани.
 Я долженъ былъ мою и славу поддерживаю
 И общества ко мнѣ почтеніе оправдаю;
 Я долженъ былъ, мою желая власть оставишь,
 И тѣню робости себя не обезславишь;
 И съ прона нисходя, иль прямо въ гробъ вступишь,
 Иль жало клеветъ побѣдой приступишь

[Къ народу, снимая вѣнецъ].

Теперь я вашъ залогъ обратно вамъ вручаю;
 Какъ принялъ я его, столь чистъ и возвращаю.
 Вы можете вѣнецъ въ ничто преобразить,
 Иль оный на главу Вадима возложишь.

ВАДИМЪ.

Вадима на главу! сколь рабства ужасаюсь,
 Толико я его орудіемъ гнушаюсь.

ИЗВЕДЪ. *[Рурику, указывая на-
 родъ ставшій предъ Ру-
 рикомъ на колена, для
 умоленія его владѣть
 надъ нимъ].*

Увиди, Государь, у ногъ твоихъ весь градъ;
 Опредъ народа! зри твоихъ моленъ чадъ;
 Оставъ намѣренъ ихъ щастію прешащи.

ВАДИМЪ.

О гнусные рабы своихъ оковъ просящи!
 О стыдъ! весь духъ гражданъ ошелъ истреб-
 ленъ

Вадимъ! се общество, котораго ты членъ!

РУРИКЪ.

Коль власть Монаршу чинишь достойной на-
 казанья,

Въ сердцахъ гражданъ мои увиди оправданья;
 И что можешь ты противъ сего сказать?

ВАДИМЪ.

Вели отдашь мнѣ мечъ и буду отвѣчать.

*[Рурикъ подаетъ знакъ
 чтобъ Вадиму отдали
 мечъ].*

РАМИДА *[Въ сторону]*.

Се мой послѣдній часъ и все теперь свер-
шится!

ВАДИМЪ.

[Къ принесшему мечъ].

[Къ Рурику].

Подай — теперь Вадимъ съ тобою прими-
рился,

Се способъ лишь одинъ чтобъ другомъ быть
твоимъ.

РУРИКЪ.

Будь болѣ и ощемъ содѣлайся моимъ.

Въ великой ты душѣ почувствуй гласъ природы.

Иль тотъ, кого твои толико члутъ народы,

Кто ихъ ошечъ, твоимъ не стоишь сыномъ быть?

Чтобъ тнѣвъ неправедный твой вовсе истребишь,

Коль мало щасія ошечества любезна,

Котораго моею рукою закрыта безна;

Коль мало и самихъ мнѣ щедрыхъ полъ небесъ,

Спенящей дочери воззри на шоки слезъ,

Которы горестна моею душѣ ошрава:

Въ ея ты сердцѣ зри мои священны права,

Чтобъ ею ты себя со мной соединишь.

ВАДИМЪ

Все кончилось теперь, коль мечъ ты возвра-
тилъ.

О небо! болѣ сей не требую награды!

[Къ Рурику].

Межъ нами рушатся всѣ страшныя преграды:

Доволенъ будешъ ты, народъ, и дочь, и я.
РУРИКЪ.

О небо! чѣмъ воздамъ щедростъ швоя?
О часъ, блаженный часъ! нечаянна премѣна!

[Къ Вадимы],

Позволь и дочери и мнѣ обѣять колена
Героя и отца [Къ Рамидѣ] ты слезъ лѣшь
 потокъ!
Когда пресналъ быть намъ родишель швой жес-
 токъ,

О ты награда мнѣ одна за добродѣтель,
Въ которой мнѣ любовь гражданъ твоихъ сви-
дѣтель,
Душа души моей! какой ужасный мракъ,
Дражайшихъ прелесней зашмиль прекрасный
зракъ?

ВАДИМЪ [Въ сторону].

Я болѣ не могу сносить шоль гнусна вида!—
Внемли шы Рурикѣ мнѣ, народѣ и шы Рамида.

[Къ Рюрику].

Я вижу власшь швоя угодна небесамъ.
Иное чувство ты гражданей далъ сердцамъ.
Все пало предъ побой; миръ любитъ пресмыкашья;
Но миромъ шакowymъ могу ли я прельщашья?

[Къ народу].

Ты хочешь рабствовать подЪ скипетромЪ попраиЪ:
Нѣтъ болѣ у меня отечества, гражданЪ.

[Къ Рамидѣ].

Ты предана любви и сердцемъ и душою.
И шакъ и дочери я болѣ не имѣю —

РАМИДА.

Постой родитель мой! недовершай сихъ словъ —
 Постой, мой духъ тебя изобличить готовъ,
 Чшо дочь несчастную напрасно презираешь —
 Я знаю шо чшо ты въ сей часъ предпринимаешь;
 И швой великій духъ предъ мною весь открытъ,
 Чшо должно дѣлашь мнѣ, мнѣ ясно говоришь.
 Исполню я швою ужаснѣйшую волю;
 И въ нѣжной младости мою разрушу долю,
 Котора для меня сплелась изъ цвѣтовъ.
 Когда содѣлалась порочной ша любовь,
 Для коей жизнiю прельщалась я моею,
 Смощри, достойналь я бышь дочерью швоею.

[Заколяется].

РУРИКЪ.

О изступленiе погибельное мнѣ!

ВАДИМЪ.

О радость! все что я исчезнешъ въ сей спранѣ!
 О дочь возлюбленна! кровь истинно Геройска!

[къ Рурику].

Въ срединѣ швоего побѣдоносна войска,
 Въ вѣнцѣ, могущiй все у ногъ швоихъ шы зрѣшь,
 Чшо шы прошивъ шого, кто смѣетъ умереть?

[Заколяется]

РУРИКЪ.

О рокъ, о грозный рокъ! о праведные боги!
 За что хотѣли вы ко мнѣ бышь столько спроги,
 Чшобъ смершю меня Рамиды поразить?
 Умѣли въ сердце вы мечъ вѣчный мнѣ вонзить!

Лиша меня всего и щастья и оспрады! —
 За добродѣтель мнѣ ужъ въ свѣтѣ нѣтъ награды! —
 Въ величїи моемъ лишь шолько шягосъ мнѣ!
 Срадая, жершвой я быть долженъ сей спранѣ;
 И, должности моей спонающій блюспитель,
 Чшобѣ быть невольникомъ, быть долженъ я вла-
 спитель —
 Я буду, и себя съ пуши не совращу,
 Гдѣ вамъ подобенъ ставъ, вамъ боги ошомшу.

КОМЕЦЪ ТРАГЕДИИ.

34175

